

Наринэ Абгарян

София возвращалась домой

Наринэ Юриковна Абгарян

София возвращалась домой

Серия «Люди, которые всегда со мной»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74185431

София возвращалась домой: Издательство АСТ : Астрель-СПб;

Москва; 2026

ISBN 978-5-17-174590-5

Аннотация

Эта история одной женщины, ровесницы XX века, охватывает несколько десятилетий и множество стран, от Армении, бывшей тогда частью Российской империи, до Китая. Бурные годы, непростые испытания, удивительная судьба.

О чем рассказывать в наше безумное время?.

Какими историями утихомиривать его неудержимый бег к берегам, о которых мы ничего не хотели бы знать?.

Может, о людях, которые не пожелали сдаваться и, вопреки всему, остались верными себе?.

София была именно такой.

Юной девушкой, решившей жить не по указке, а по зову собственного сердца.

Молодой женщиной, не позволившей выпавшим на ее долю испытаниям сломить ее волю.

Зрелой женщиной, вернувшейся сквозь годы туда, откуда она когда-то уехала, чтобы остаться собой.

Содержание

Часть 1

7

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Наринэ Юриковна Абгарян София возвращалась домой

© Наринэ Абгарян, текст, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Наринэ Абгарян

Софця
возвращалась
домой

Часть 1

Его руки

Берд, 1916

Боль была нестерпимой. София попробовала вырваться, но рука тетушки Азнив вцепилась в ее косу так, будто слилась с ней намертво. Бросив тщетные попытки высвободиться, девушка изогнулась и схватилась за основание косы, чтобы хотя бы немного ослабить натяжение. Изрыгая проклятия и не выпуская намотанные на руку волосы племянницы, Азнив волокла ее в дальнюю темную комнату. Паркетный пол буквально накануне натерли до блеска воском, и худенькая София скользила по нему, словно перышко. Чтобы не закричать от боли, она, сцепив зубы и зажмурившись, отсчитывала в уме комнаты: прихожая, гостиная, большая родительская спальня, которую теперь занимала тетушка, вторая спальня, поменьше, куда переселился овдовевший отец, спальни братьев, спальня самой Софии и крохотная, в любое время суток утопающая во мраке комната нянечки, вырастившей детей семьи Маркарян и в благодарность нашедшей в их доме пожизненный приют. С недавних пор воцарившаяся в доме хозяйкой тетушка называла всеми любимую нянечку нахлебницей, запретила ей садиться за общий стол и урезала ее рацион до совсем уж жалких крох. София часто приноси-

ла нянечке спрятанную в рукаве кофты еду: ломоть подсолненного хлеба или холодную отварную картофелину, а если повезет и тетушки не окажется рядом, то и горсть отколо-той от пудовой сахарной головы желтоватой щепки. Нянечка всю жизнь была большой сладкоежкой и несказанно страда-ла от отсутствия сахара, вот София и старалась ее порадо-вать, рискуя попасться на глаза скуповатой тетушки. Азнив не доверяла никому, строго следила за расходом запасов и часто заглядывала на кухню, чтобы проконтролировать стря-пуху Гуле, немолодую и бессловесную езидскую¹ женщину, на плечи которой, кроме готовки, теперь легли и стирка с уборкой. Две другие помощницы по хозяйству были выстав-лены за порог без каких-либо объяснений, а поиск новых все никак не начинался.

За комнатой нянечки, через крохотный и стылый проход, находился просторный чулан, обставленный доверху, до са-мого потолка, стеллажами со всяким добром: кадками с кру-пами и сушеными фруктами, кувшинами с медом, топленным маслом и кавурмой². Здесь же стоял и большой, в половину комнаты, тяжеленный дубовый ларь, туго набитый мешками с пшеничной, ржаной и кукурузной мукой, и кованый сундук с солью, купленной впрок за серебряный целковый по очень выгодной цене. Соли было много, почти два с половиной пу-

¹ Езиды – курдская этноконфессиональная группа, исповедующая езидизм (синкретичная религия с элементами зороастризма, ислама и христианства).

² Кавурма – томленное в собственном жире мясо.

да, и ее перемешали с зернами «сарацинского пшена» – риса, чтобы те вытягивали влагу, которой, впрочем, в чулане отроду не водилось. Именно туда и волокла Азнив Софию, намотав на кулак ее косу. Вторая коса вилась по полу, собирая невидимые пылинки, шелковый бант, перетянувший ее конец, почти развязался и норовил вот-вот соскочить и застряться в анфиладе комнат.

В доме никого, кроме пугливой Гуле и нянечки, не было. Отец решил лично сопроводить заказанный на его мебельной фабрике гостиный гарнитур в Александрополь³ – клиент, уездный начальник, будучи важным чиновником, обладал обширными связями во всех крупных городах Кавказской губернии, и личное с ним знакомство сулило новые большие заказы. Старший же брат Софии, Геворг, как раз сейчас следовал в Тифлис, откуда намеревался забрать на пасхальные каникулы двух младших братьев, учеников Нерсеянской армянской семинарии. Мальчикам-погодкам едва перевалило за десять, и самостоятельно преодолеть долгую, почти в три дня, дорогу они бы не смогли. Выручить Софию было некому: ни Гуле, ни безвылазно сидевшая в своей комнате нянечка не посмели бы перечить скандальной сестре хозяина дома.

На пороге чулана Азнив замешкалась – чтобы отпереть дверь, нужно было выпустить косу Софии, а это лишило бы

³ Гюмри – второй по величине город Армении, с 1837 по 1924 гг. назывался Александрополь, затем Ленинакан.

возможности ее удерживать. Недолго думая, она отпустила намотанную на руку косу, но лишь затем, чтобы наступить на нее покрепче, и потянулась к своему поясу, на котором носила связку ключей от всех помещений и шкафов дома. Связка была большой и тяжелой и непрестанно позвякивала при ходьбе. Заслышав ее тусклый звяк, София корчила смешную гримасу и шепотом обзывала тетушку Кэнтервильским привидением. И хихикала, довольная тем, что имеет смелость хотя бы про себя ее обозвать. Четырехтомник Оскара Уайльда, подарок мамы ко дню рождения, она хранила в своей комнате и никого к нему не подпускала. Эти тома в темно-красном переплете с золотым тиснением были самым большим ее богатством. Перечитанную множество раз и выученную почти наизусть сказку «Кэнтервильское привидѣніе» они с мамой переписали по ролям и намеревались поставить к Рождеству, закрепив за каждым членом семьи определенную роль. Самым сложным было убедить отца, на дух не переносившего «всякое кривлянье», но София и к нему нашла подход. Они с мамой даже собирались сшить себе платья для спектакля, одинакового кроя, но разного цвета. Мама выбрала бархатную ткань богатого винного оттенка, София же – тафту, нежно-голубую, в серебристый перелив. Но к портнихе они так и не выбрались и домашний спектакль не поставили. И все в их жизни пошло наперекосяк, потому что не стало мамы...

Ключ, противно лязгнув, повернулся в замке, тетушка

Азнув навалилась на тяжелую дверь плечом, чтобы отворить ее. Туфля, придавившая косу Софии, соскользнула, и этих нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы девушка, изогнувшись, высвободилась и, оттолкнувшись от пола, вскочила на ноги. Времени, чтобы добежать до спасительной входной двери, хватало: скаредная до невозможного тетушка ни за что бы не оставила отпертым чулан и обязательно закрыла бы его на замок, перед тем как броситься за ней.

– Не смей убежать, негодная девчонка! Я все твоему отцу расскажу! Уж он-то выбьет дурь из твоей головы! – раздавались за спиной разъяренные крики.

София летела сквозь комнаты, задевая мебель развевающимся подолом длинной юбки. Под горлом бешено колотилось сердце, мотались на спине бережно расчесанные и заплетенные старенькой нянечкой длинные косы. Это был неукоснительно соблюдаемый с самого детства ритуал – сначала нянечка будила ее, потом строго следила, чтобы София тщательно умылась и непременно протерла лицо и шею ледяной водой – для здоровья и упругости кожи. Потом она усаживала ее у окна, распускала рыхло сплетенные на сон косы, расчесывала и заново сплетала, теперь уже туго, на целый день. София сидела, опершись локтями на подоконник, и сыпала вопросами. Из приоткрытой форточки тянуло влажно-яблочным ароматом утра, осторожно, будто боясь обжечь, ложился на пол солнечный луч, перекрикивали друг друга петухи, отчего-то трещал козодой – неприметная ноч-

ная птица.

– Бессонницей страдает, бедолага, – заслышав его голос, горестно качала головой нянечка.

София фыркала – какая может быть бессонница у птиц?

– Почему нет? – пожимала плечами нянечка. – Всякой божьей твари положен сон, а стало быть, и бессонница.

– И рыбам?

– И рыбам.

Судя по неуверенному голосу нянечки, по поводу рыб были некоторые сомнения, и она, будто бы убеждая в первую очередь себя, несколько раз повторила – и рыбам, и рыбам. София представляла, как на глубоком дне реки, сбившись в круг, страдают от бессонницы длинноусые толстолобые сомы, – и заливалась звонким смехом.

С годами менялись темы разговоров, формы ботиночек и фасоны платьев, и лишь ритуал утреннего туалета оставался неизменным. Усадив Софию у окна, нянечка бережно расчесывала ее искристые волосы, с нескрываемым восхищением отмечая их богатство и красоту, разделяла их на ровный пробор и ловко заплетала косы. Обвязав концы тоненькими шелковыми лентами, она наматывала на указательный палец пушистые кисточки хвостиков, туго сжимала в ладони, согревая, и, подержав с минуту, аккуратно сдергивала получившиеся завитки. София благодарила, привычным движением закидывала косы за плечи и подставляла лоб. Перекрестив и поцеловав девочку, нянечка уходила к ее младшим

братьям, с которыми возни было несоизмеримо больше.

Приведя себя в порядок, София заправляла кровать и выносила таз с мыльной водой, чтобы, старательно сполоснув, водрузить его обратно на тумбу. Обязательно набирала свежей воды в кувшин, из которого нянечка поливала ей на руки. Если Гуле не успевала натаскать воды, она сама ходила к роднику, поставив на плечо узкогорлый медный кувшин: детей в семье Маркарян не растили белоручками и с ранних лет приучали к труду. До родника было всего несколько минут ходьбы, потому в сухую погоду София не переобувалась, но в дождь приходилось, чтоб не увязать в заезженной телегами, загаженной конским и коровьим навозом, мгновенно раскисающей неровной дорожной колее. После завтрака, в ожидании прихода учителя Давида, занимавшегося с ней на дому, она выполняла всякие поручения тетушки и мелкие просьбы Гуле. Если София делала это спустя рукава, ей обязательно доставалось от тетушки, пуще остального на свете обожавшей нравоучительные, сводящие скулы разговоры о смирении и добродетели. София слушала ее не перебивая, навесив на лицо непроницаемое выражение. «Кинешь в глаза горсть песка – даже не моргнет», – говорила потом о ней нянечка, морщина в ироничной улыбке круглые и дряблые, словно печеное яблоко, щеки.

– Какая же она занудливая! – не вытерпев, иногда жаловалась София.

– Разве можно так о взрослых?! – выговаривала ей нянеч-

ка, сдвигая в притворном гневе к переносице брови.

София складывала на груди в молитвенном жесте ладони – прости поганку! И они приглушенно хихикали, поминутно оглядываясь, чтоб не пропустить появление Азнив.

* * *

Времени на переодевание не было. София сдернула с крючка большую шерстяную шаль Гуле, которую та держала на случай, если нужно будет сходить в нижний холодный погреб, и, кутаясь в нее на ходу, выскочила за порог чуть ли не под носом разъяренной тетушки Азнив. Основание косы горело так, будто затылок ошпарили кипятком, но София не обращала на боль внимания. Сбежав по лестнице, она пересекла двор наискосок, перепрыгивая через клумбы и рискуя угодить в едва раскрывшиеся бутончики фиолетового морозника и мышинового гиацинта – совсем еще робкого, но успевшего окутаться ароматом мускуса. Добравшись до ворот, она с облегчением выскочила на улицу. Бежала, не разбирая дороги, хватая ртом острый воздух и утопая по щиколотку в апрельской ледяной слякоти. Ее гнал вперед не страх и не обида, а плещущая под горлом вязкая жижа злости. Да что она о себе вообразила, эта сухая негнущаяся карга, эта старая сучковатая жердь? С какой такой радости она решила, что ей позволено обращаться подобным образом с Софией?! Да она... Да я...

Остановил ее окрик хозяина лавочки, у которого Гуле покупала всякие диковинные приправы: звездочки аниса, бутончики гвоздики, сладкую корицу, молотый голубой пажитник, алые ниточки дорогущего шафрана. Маленькая София любила ту лавочку и всякий раз, когда Гуле собиралась за специями, увязывалась за ней. Пока лавочник отвешивал на аптекарских весах приправы, она, затаив дыхание, наблюдала холмики разноцветных приправ и терпеливо ждала, когда ей вручат имбирный пряник – без гостинца ее никогда не отпускали. Услышав встревоженный голос лавочника – ориорд⁴ София, что-то стряслось, может, помощь нужна? – она резко остановилась, переждала немного, давая сбившемуся дыханию восстановиться, и, воздев к небу руки, победно потрясла кулачками – мы еще... посмотрим... чья... возьмет... Поблагодарив ошарашенного лавочника за участие, она направилась домой с такой невозмутимостью, будто ничего странного в ее поведении не было. Проводив ее изумленным взглядом, лавочник почесал в затылке и, кхекнув, вернулся за прилавок, где его терпеливо поджидали не менее заинтригованные покупатели.

* * *

Софии едва исполнилось пятнадцать, когда не стало ма-

⁴ Обращение к незамужней девушке.

мы. Она была достаточно уже взрослой, чтобы взять на себя ведение домашнего хозяйства, но отец решил по-своему и пригласил свою старшую сестру Азнив, шестидесятилетнюю старую деву, неприступную и непоколебимую, словно одиноко торчащая среди морских волн лысая скала. София запомнила до мельчайших подробностей ноябрьский день, когда тетушка переехала к ним. Холодный дождь, зарядивший с рассвета, к полудню унялся, но не совсем стих и сыял назойливой мошкаррой капель. Напитанный влагой воздух разбух передержанным дрожжевым тестом и кисло пузырился, затрудняя дыхание. Старое тутовое дерево, давно уже не плодоносящее, но так и не срубленное, облетало последними глянцево-желтыми листьями. Ждали тетушку к полудню, но приехала она лишь к вечеру. Крытая повозка, неуверенно вкатившаяся в ворота, протяжно скрипела колесом. Парусинный верх, отяжелев от влаги, свисал между прутьями каркаса, и пассажирка вынуждена была сидеть, вобрав в плечи остроносую, в гладко уложенных волосах седую голову. Старомодная, давно и безвозвратно выгоревшая на южном солнце объемная шляпа лежала на коленях; украшавшее ее страусовое перо, когда-то пышное и белоснежное, пожелтело и вытерлось. Одета тетушка была во все черное, будто вдова, и вид имела соответствующий: торжественный и скорбный. Все ее имущество поместилось в громоздкий, обитый железом кофр. Вещи в нем были разложены в сводящем зубы незыблемом порядке, а на самом верху лежала большая,

в кожаном переплете, с тусклыми латунными застежками и латунным же замком Библия. Пока тетушка располагалась в родительской спальне, хлопая дверцами, двигая полками и раскладывая вещи в пустых шкафах, Гуле нарезала хлеб и заваривала чай для промокшего насквозь кучера – смуглого чахоточного вида мужчины с ясными, цвета утреннего неба глазами и багровым шрамом почти во всю обритую голову. На вопрос, где он, бедолага, его заработал, тот тяжело вздохнул и заговорил на западноармянском. Гуле остановила его предупреждающим жестом и выпроводила из кухни заглянувшую туда Софию – в семье оберегали младших детей от страшных известий, приходивших из западной части Армении, почти полностью вырезанной и выселенной по решению османского правительства. Восточная часть, находящаяся в составе Российской империи, была наводнена несчастными изможденными беженцами. Невзирая на ухищрения взрослых, София знала достаточно о той чудовищной трагедии – собирала по крупицам из обрывков разговоров, особенно несдержанных, когда они случались между отцом и старшим братом, и из того, что сама наблюдала. Она очень хотела послушать рассказ кучера, но решила не спорить с Гуле при постороннем человеке. Покидая кухню, она вежливо с ним попрощалась. Кучер сидел, опершись локтями на колени, и, наклонив голову, осторожно водил пальцами по шву ужасающего шрама. Одежда, явно с чужого плеча, была

ему велика. От промокшей насквозь чохи⁵, которую Гуле заботливо развесила возле жарко затопленной дровяной печи, поднимался еле заметный пар. В горле у Софии заворочался колючий ком. Сбегав к себе, она вытряхнула из копилки несколько монет, следом заскочила в комнату старшего брата и вытащила из шкафа смену нижнего белья и две пары вязанных шерстяных носков. На кухню она заходить не стала, чтобы не смущать кучера, приоткрыла дверь, подозвала Гуле и сунула ей белье и монеты: «Отдай». Гуле повертела в руках нижнюю рубаху и штаны и вернула, велев сменить на что-нибудь попроще.

– Это белье стоит больших денег, господин Геворг заругает!

София отвела ее руку – отдай, я предупрежу брата. Гуле пожалала плечами – как знаешь. И закрыла перед ее носом дверь.

За ужином София объявила, что подарила комплект белья кучеру. Геворг вздернул бровь, но ничего не ответил. Зато подала голос тетушка Азнив:

– Ты с ума сошла, отдавать дорогое белье оборванцу!

Оборванцу? София задохнулась от возмущения. Не найдясь что ответить, она с демонстративным стуком отложила вилку и принялась сердито наматывать на палец шелковую бахромку скатерти. Сидевшая по правую руку от нее нянечка, по своей обычной рассеянности пропустившая мимо ушей

⁵ Разновидность верхней одежды.

разговор, с безмятежным видом потянулась за хлебом. Тетушка сопровождала ее жест колючим взглядом и недовольно поджала губы. На завтра нянечке было отказано от общего стола.

Часы пробили семь, заполнив нависшую над столом звенящую тишину протяжным хриплым дребезжанием. Чтобы разрядить обстановку, отец принялся расспрашивать сестру о том, как обстоят дела в их родном Дилижане. Та охотно и обстоятельно отвечала, рассказывая о двоюродном брате, совсем недавно получившем повышение по службе, о племянниках, которых определили по военной части, отдав в Тифлисское пехотное юнкерское училище, о постоянно растущих ценах и опасной обстановке во всем уезде, где резня в Османской империи подстегнула новую волну напряжения между мусульманским и христианским населением, из-за чего здесь и там возникали стычки, грозившие перерасти в большое противостояние. София не вслушивалась в ее слова – она перебирала изящные кисточки бахромы и сердилась на всех: на отца, решившего перевезти к ним свою надменную сестру, на нянечку, с удовольствием подбирающую хлебной корочкой остатки жаркого с тарелки, на снующую между кухней и столовой Гуле, ловко сменяющую тарелки и подливающую в стаканы свой фирменный компот на сушеных сливах и апельсиновых корках... Девушке было решительно непонятно, как ее близкие смеют играть в обычную жизнь, когда на мамином стуле сидит почти чужая

женщина, которую София за всю свою жизнь видела пару раз! Она разложила свои унылые вещи в шкафах, где раньше висели мамины платья, и водрузила свои тупоносые башмаки на полочках, где раньше стояли ее изящные ботиночки и туфельки. Пахла она не розовой водой, а скучным раствором мыльного корня, в котором приходящая прачка кипятила постельное белье! И лицо ее – сухое, резкое, плотно обтянутое пергаментной кожей – лишено было того живого света, который исходил от людей любящих и близких, тех, к кому хочется прикоснуться и кого хочется обнимать!

Уход мамы обернулся для семьи чудовищным ударом. То был несчастный случай – споткнувшись, она не удержалась на ногах, упала, ударившись виском о край комода. Когда София прибежала на крики домработницы, было уже поздно – мама не дышала. На ее отпевание пришел чуть ли не весь городок, и в церкви негде было яблоку упасть, но толпа не утешила Софию, а наоборот – раздражала, ведь в неподдельном участии людей она видела не сожаление, а праздное любопытство и плохо скрываемое чувство облегчения оттого, что в этот раз беда обошла их стороной... Скорбь, разочарование, гнев, бессилие, злость и каменное, неподвластное всякому утешению горе наполняли ее целиком, не позволяя вздохнуть. Хотелось кричать, и топтать ногами, и, как деревенские плакальщицы, расцарапывать себе лицо ногтями, но делать это было нельзя, и София беззвучно плакала, склонив голову и роняя на исхоженный пол старой церкви слезы,

удивляясь тому, что они прозрачны. «А должны быть кровавыми», – шептала она, кусая губы. Понадобилось немало времени, чтобы семья если не смирилась, то хотя бы приняла ту действительность, где отсутствие красивой, преданной и жизнелюбивой молодой женщины превратилось в необратимую, горестную данность. Жить с этим было невыносимо, а с приездом тетушки Азнив, не сомневалась София, и вовсе станет невозможно.

Отец подлил себе вина и принялся набивать трубку табаком. София, оторвавшись от бахромы, искоса глянула на него и впервые увидела, как он осунулся и постарел за последние месяцы. На крупном и открытом его лице выступили морщины, померкли живые глаза, темные выующиеся волосы убелила тусклая седина. От прежней его молодцеватости почти не осталось следа: будучи на двенадцать лет старше жены, он всегда при ней бодрился и старался не опираться на трость, без которой ему сложно было ходить – давало о себе знать ранение, полученное в столкновении с курдскими вооруженными отрядами на берегу Куры. К участию в боевых действиях приговорены были все мужчины Армении, способные держать оружие, и даже Геворг с Давидом, которым едва перевалило за двадцать, успели повоевать. Земля Южного Кавказа, будучи ареной бесконечных войн и столкновений между Персией, Оттоманской Портой и царской Россией, была пропитана кровью и слезами местного разномастного населения, по несчастью оказавшегося заложни-

ком той геополитической ловушки, которую ему уготовили огромные, неповоротливые и безжалостные империи.

София погладила отца по руке. Тот не повернул к ней головы, но подставил под ее ладонь свою и ласково покачал, будто убаюкивая. Она узнала этот жест – так всегда делала мама, когда пыталась помириться с ним после ссоры. Размолвки у родителей случались редко и всегда заканчивались одинаково – мама подходила к отцу и брала его за руку. Он целовал ее в волосы и ворчал: ты когда-нибудь доведешь меня до сердечного приступа! Она парировала: вот и не подначивай меня! И баюкала в своей ладони его ладонь.

Последняя серьезная размолвка между родителями случилась из-за того, что мама предложила отдать Софию в Бакинскую женскую гимназию святой Нины. Отцу эта идея совсем не понравилась, и отнюдь не из-за предстоящих расходов. На бедность семья владельца трех лесопилок и небольшой, но вполне успешной мебельной фабрики пожаловаться не могла, хотя и внушительного богатства не имела. Анастас, будучи человеком глубоко религиозным и придерживающимся патриархальных взглядов на жизнь, с детства приучал детей к труду. Мальчиков он забирал с собой на работу, едва им исполнялось шесть лет. Обучал всему: управлению, счету, торговле, умению говорить и договариваться, борьбе, стрельбе, верховой езде, охоте. Не скупился на их образование, потому что твердо верил, что будущее за интеллигенцией. С десяти лет мальчики отправлялись в Тифлисскую ар-

мянскую семинарию, по окончании которой предполагалось их дальнейшее обучение – юридическое или же медицинское. Разговоров о военной карьере в семье никогда не возникало – оба родителя предопределили для своих сыновей гражданские профессии. Правда, Геворг продолжать обучение после семинарии наотрез отказался, но с таким энтузиазмом взялся за семейное дело, что отец быстро утешился: не хочет, и не надо, младшие мальчики поступят в университет. А старший будет преумножать богатство семьи.

С Софией же Анастас стоял насмерть – никаких гимназий!

– И не пытайся меня переубедить! – отметал он раз за разом увещевания жены. – Девочек не грамоте нужно обучать, а готовить к семейной жизни. Весь круг их обязанностей должен замыкаться на заботах о семье и доме!

Мама расстраивалась, но виду не подавала – в отличие от взрывного и темпераментного мужа, она ухищрялась сохранять хладнокровие и умела отстаивать свое мнение.

– Дорогой, что плохого в том, что София поучится грамоте? Гимназия святой Нины – прекрасное место для девушек из хороших семей, дочери моей сестры Анелии учатся там. София могла бы жить у них, и ты бы не переживал за нее... Если вдруг тебя беспокоит расстояние, давай отдадим ее в гимназию святой Рипсимэ в Эривани. Это намного ближе, чем Тифлис или Баку!

Спокойный голос жены всегда действовал на Анастаса

отрезвляюще.

– Можешь объяснить, зачем ей это? – сменил он сердитый тон на мирный.

– Ты же сам мне зачитывал слова Микаэла Налбандяна⁶ о том, что женщина должна обучать своих детей народному языку и взрастить в их сердцах национальное чувство. Мне так запали в душу его слова, что я запомнила их наизусть: «Мать детей – мать семьи, но мать семьи – мать нации». Что плохого в том, что София станет одной из таких армянских женщин? Ты хотя бы представляешь, как это уничительно – не уметь писать и читать?

Но Анастас был непреклонен – хоть режьте меня, а Софию я никуда не отправлю. В итоге было принято соломоново решение – дать дочери домашнее образование. Искать учителя не было никакой надобности – выбор сразу пал на Давида, бывшего сокурсника Геворга, который к тому времени почти стал членом семейства Маркарян. Тронутый проявленным доверием, юноша рьяно взялся за дело и за неполных три года обучил Софию счету, письму, пению и нотной грамоте, а также языкам – русскому, французскому и персидскому. Последним, правда, она владела слабо, но разговор поддержать могла. Что касается родного армянского, ученица, к вящей радости Давида, умудрилась даже превзойти собственного учителя, о чем он не преминул с гордостью сооб-

⁶ Микаэл Лазаревич Налбандян (1829–1866) – армянский писатель, поэт, критик, философ.

щить ее родителям.

Визита учителя София ждала с замиранием сердца – с первого дня знакомства у молодых людей завязались трогательные отношения, из предупредительно-робких постепенно выросшие в глубокое, но тщательно оберегаемое от посторонних чувство. Давид Тер-Минасян был единственным ребенком в семье священника деревенского прихода. Рано осиротевший – отец умер от чахотки, когда Давиду едва исполнилось пять, – он вырос под неустанной опекой глубоко травмированной потерей близкого человека матери, женщины замкнутой и пугливой, но бесконечно преданной своим родным. Поклявшись над гробом мужа нести по нему траур до конца жизни, она посвятила себя сыну и сделала все возможное, чтобы обеспечить ему хорошее образование. Давид не вспомнил бы хоть одного дня, когда мать, известная в округе ткачиха ковров, сидела бы без дела: если она не ткала, то мыла шерсть, выбивала ее деревянным прутом, вычесывала кардой и пряла – скрип колеса прялки вьелся в его память наряду с другими привычными бытовыми звуками – и совершенно не раздражал. Работая не разгибая спины, мать ткала на домашнем станке традиционные армянские ковры и коврики⁷, красила пряжу, вязала циновки из тростника и корзины из ивовых прутьев и даже пекла на заказ хлеб, если какая-нибудь из соседок приболела.

Сэкономленные по грошу деньги ушли на обучение сына

⁷ Карпет – палас.

в Нерсисянской семинарии. Учеба для детей из малоимущих семей была бесплатной, а вот содержание полностью ложилось на плечи родни, и матери приходилось экономить даже на самом необходимом, чтобы выкроить деньги на нужды сына. В семинарии Давид познакомился со старшим братом Софии, Геворгом. За годы учебы юноши стали друзьями не разлей вода. Прекрасно воспитанный, вежливый и предупредительный молодой человек произвел на родителей Геворга благоприятное впечатление, и его приняли как родного. Больше всех радовался Анастас, который приобрел в лице Давида отличного партнера по игре в шахматы – его собственный старший сын предпочитал нарды, чем донельзя расстраивал отца, большого любителя головоломок и обладателя серьезной коллекции тематических книг, украшением которой было руководство по шахматной игре за авторством Жана Дюффрена. Объединив под одной обложкой партии, сыгранные на турнирах в Нюрнберге, Будапеште и Берлине, Дюффрен подробно их разбирал, объясняя каждую комбинацию. И если Давид гостил у друга, они с Анастасом разыгрывали какую-нибудь партию из дюффреновского руководства, стараясь разнообразить ее новыми интересными решениями.

Поэтому, когда в семье встал вопрос о преподавателе для Софии, никакие другие кандидатуры не рассматривались – выбор сразу пал на Давида. Ко всему прочему это дало бы ему возможность подзаработать – его работа в местной поч-

тово-телеграфной конторе приносила совершенно незначительный доход, и, если бы не ковры, которые ткала мать, семье пришлось бы очень туго.

Романтические отношения между Софией и Давидом возникли не сразу – сначала это была почти родственная привязанность, возникающая между людьми с одинаковым уровнем сострадания и отношением к миру. Но спустя время по тому, как стала заливаться румянцем и отводить глаза София, сталкиваясь взглядом с объясняющим грамматические правила армянского языка Давидом, и по тому, как предательски обрывался его голос, когда юноша склонялся над ее опрятной, без досадных чернильных пятен, тетрадью, чтобы похвалить за старание, становилось ясно, что безобидная привязанность давно переросла в совсем иное чувство. И хотя молодые люди продолжали играть роли прилежной ученицы и вежливого преподавателя, но искрящееся счастье, незримое, однако абсолютно осязаемое, витало между ними и наполняло души обоих безграничной радостью. Для Софии Давид сочетал в себе все те качества, которыми одаривает природа настоящих мужчин. Он был умен, галантен, красив и несомненно храбр, он был ровно таким, каким был ее старший брат, которого она любила беззаветно. В вечерних молитвах она непременно благодарила Бога за то, что он свел Геворга с Давидом в семинарии и подружил их. И что одарил Давида шахматным талантом, чем подкупил сердце ее отца. Несомненно, Давид ниспослан ей судьбой, думала она,

притворяясь, что внимательно слушает объяснение разницы между совершенным прошедшим временем и плюсквамперфектом. На уроке математики она с неохотой раскрывала потрепанный томик арифметического сборника Малинина и крепя сердце бралась за ненавистную задачу. И надолго замирала, глядя невидящими глазами в набившие оскомину цифры.

«Купецъ получилъ партію сахару по 6 руб. пудъ; затѣмъ ему была доставлена другая партія по 8 руб. пудъ; весь сахаръ онъ продалъ за 1769 руб., при чемъ, получая барыша по 1 руб. за пудъ, имѣлъ на всемъ товарѣ 225 руб. прибыли. Сколько сахару было въ каждой партіи?» – не дождавшись от Софьи решения, принимался зачитывать вслух задачу Давид.

«Да какая, к черту, разница, сколько сахару было в каждой партии», – думала она и еле сдерживала улыбку, представляя, каким бы стало лицо ее учителя, если бы она посмела чертыхнуться вслух.

* * *

Через несколько дней вернулся довольный поездкой Анастас. Следом приехали из Тифлиса сыновья, и дома сразу стало тесно и радостно от сутолоки и звонких голосов. Никому о случившемся ни София, ни тетушка рассказывать не стали. Обе ощущали свою вину за разыгравшуюся в тот день

безобразную сцену, но по-разному себя вели. Упрямая София, спрятавшая Библию набожной тетушки и доведшая ее грубостью до белого каления, извиняться не стала, но обещала не прикасаться больше к ее вещам при условии, что та прекратит заставлять ее читать Священное Писание. Тетушка же, расстроенная не столько очередной выходкой племянницы, сколько ее непочтительным отношением к Богу – виданное ли это дело, обзывать его бессердечным чурбаном за то, что он забрал ее мать, – извинилась.

«Не могу понять, что со мной стряслось. В глазах потемнело, и я перестала что-либо соображать», – сокрушенно повторяла она, теребя в костлявых пальцах нательный серебряный крестик, который носила не под одеждой, а навывпуск, аккуратно заправляя за ворот застегнутого на все пуговицы шерстяного платья. Испещренное мелкими морщинками ее лицо побледнело и осунулось, под глазами пролегли темные круги – результат пролитых слез. София верила в ее переживания, но не испытывала к ней ни малейшего сочувствия, потому что не сомневалась: тетушке не стыдно за то, что она подняла на нее руку. Единственное, за что ей было обидно, – что она подвела доверие Бога. Холодная и негибкая, привыкшая всю жизнь держать себя в ежовых рукавицах, Азнив считала собственную истерику не чем иным, как дьявольским искушением, перед которым она не смогла устоять.

Отказавшись от обеда и попросив Гуле заварить успокаивающего настоя, она дождалась возвращения Софии лишь

затем, чтобы извиниться. И, спрятав за вуалью шляпки заплаканное лицо, ушла в церковь, откуда вернулась поздно вечером, изнеможенная от молитв и долгого стояния на коленях. С Софией она больше не заговаривала вплоть до возвращения брата и лишь за ужином, назвав ее деточкой, попросила передать соль. София передала.

– Какие-то вы притихшие, – заподозрил неладное Анастас, переводя взгляд с сестры на дочь.

София впервые обрадовалась, что тетушка Азнив отказала нянечке в праве сидеть за столом. Будучи бесхитростным созданием, та одним лишь взглядом подтвердила бы подозрения Анастаса. Чтобы развеять сомнения отца, София улыбнулась и, навесив на лицо беспечное выражение, подняла на него прозрачные глаза.

– Все хорошо, папочка, мы просто устали. Расскажи лучше, как тебе Александрополь.

Шла Страстная неделя, отличающаяся от других недель поста не только строжайшим воздержанием, но и предпраздничной уборкой и хлопотами, и досадный инцидент был отодвинут на задворки памяти – до более подходящих времен. София собиралась вернуться к нему позже и, покрутив в голове так и эдак, сделать для себя какие-то несомненно важные выводы. Говорить с кем-либо о произошедшем она не могла – братья с отцом пребывали в неведении, а нянечку и Гуле она втягивать в эту историю не хотела, чтобы не давать тетушке повода потом срываться на них. Она достаточ-

но хорошо успела ее изучить, чтобы не сомневаться: ей точно не понравятся пересуды за спиной. Гуле сама предприняла попытку затеять разговор за покраской яиц – София всегда с удовольствием помогала ей, расписывая крашенную луковой шелухой скорлупу в традиционный армянский узор, но наткнулась на глухое молчание. По выражению смуглого милостивидного лица Гуле было видно, что это ее задело, но София знала, что, в отличие от злопамятной тетушки, она обиды держать не станет.

Отношения с тетушкой Азнив так и остались натянутыми, в том числе из-за гадкого чувства сопричастности: София отдавала себе отчет, что спровоцировала ее намеренно, чтобы, выведя на скандал, указать ей на место. Она не собиралась мириться с присутствием другой женщины в доме, где единственным греющим сердцем всегда была мама. Тетушка была полной ее противоположностью и раздражала своей баснословной скупостью и непробиваемой темнотой: кругозор ее, представлявший собой нагромождение унылых условностей и предубеждений, был до того узок и однообразен, что туда не проникал дневной свет. Да и вся она – высохшая, отстраненная и непроницаемая – смахивала на затянутый густой паутиной кокон, где, не успев преобразиться, умерла личинка. Однажды она и вовсе умудрилась довести Софию до бешенства как бы невзначай брошенной фразой о возможной женитьбе Анастаса.

– Ты ведь еще молод, зачем ставить на себе крест? Жизнь

долгая, а одиночество – тяжкое бремя. Ты, наверное, даже не представляешь, до чего тяжкое.

София понимала, что, будучи старой девой, тетушка говорила о вещах, которые ей самой причинили немало страданий, но еле сдержалась, чтобы не затопать ногами и не закричать. Мысль о том, что отец может полюбить кого-то еще, была настоящей пыткой. Им никто, решительно никто не нужен, даже тетушка в их доме совершенно лишняя, так что пусть она складывает свои невыносимые вещи в свой невыносимый кофр и уезжает обратно в свой Дилижан! София, наверное, не сдержалась бы и брякнула какую-нибудь грубость, но отец опередил ее – оборвав на полуслове сестру, он попросил ее не продолжать. Уязвленная его холодным тоном, Азнив осеклась и замерла с открытым ртом. София со злорадством подумала, что было бы здорово, чтобы ей в глотку прямо сейчас залетела здоровенная муха. А еще лучше, чтобы это была пчела. Чтобы она ужалила ее в язык, и тот бы распух и заполнил все пространство ее рта, не давая произнести больше ни слова. Додумав эту мысль до конца, София виновато вздохнула: ей самой не нравилась ее злость. И мама бы не одобрила. Она всегда говорила, что ненависть – самое недостойное и в то же время самое несложное чувство.

– Чтобы любить, сострадать или сопереживать, нужно трудиться, и в первую очередь – душой. Это те качества, которые наполняют жизнь смыслом, даруют ощущение уместности и востребованности. Ненависть же дается с такой лег-

костью, дочка! Именно потому, что она не требует никаких усилий. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду?

– Да, – кивала не очень уверенно София. Задержав дыхание, она наблюдала, как мама снимает пенку с сиропа для варенья. Проваренные и отжатые розовые лепестки лежали в большом медном тазу, горячий пар, поднимающийся от них, наполнил кухню тягучим и немного вяжущим ароматом. Открытые нараспашку окна не помогали от жары – уходящий сентябрь решил включить летнее солнце и звучал монотонным стрекотом цикад, навевая дрему. Гуле чистила свежий шиповник – нужно было разрезать каждую ягоду, осторожно выскрести семена, оставив кожицу и мякоть. На этом ее обязанности заканчивались – к варке розового варенья мама ее не подпускала. Готовила сама, строго придерживаясь семейного рецепта, добавляя для кислинки не сушеные кизилловые корки, а пару горстей очищенного шиповника. Варенье получалось в меру сладким и нестерпимо вкусным – ничего вкуснее София не знала.

– Так вот, – продолжила мама, отложив серебряное ситечко, которым собирала с сиропа пенку. – Ненависть не требует никакой душевной работы, но она делает непоправимое – стирает, словно резинкой, все качества, что делают нас людьми. Она обесчеловечивает нас. Я понятно объясняю, дочка?

– Да, да, – с нетерпением соглашалась слушающая вполуха София. Настало время священнодействия – сейчас мама

будет пробовать сироп на готовность. Для этого нужно в стакан с холодной водой капнуть сиропом. Если капля упадет на дно, не теряя формы, значит, пора добавлять розовые лепестки и почти сразу же убирать варенье с огня.

– Ребенку десять лет! Много ли она поймет! – подала голос Гуле. – Я, к примеру, ничего не поняла.

Рассмеявшись, мама прижала к себе Софию и, зарывшись носом в пушистые ее волосы, вдохнула их цветочный аромат.

– Гуле права, не будем о ненависти. Ты же у меня создана для любви. Да, моя девочка?

– Да, мамочка.

* * *

София не собиралась рассказывать Давиду о конфликте с тетушкой, но на первом же уроке проговорилась. Это случилось непроизвольно, просто потому, что она соскучилась по нему – за время пасхальных каникул они виделись лишь однажды, мельком, когда он заглянул ненадолго, чтобы передать подарок – пышный, украшенный хрусткой сахарной глазурью катнаунц⁸. Тетушка, принимая выпечку, сдержанно поблагодарила и отложила ее в сторону, не разворачивая. Спросила, как здоровье матери – она в последнее время хворала и не выходила из дому. Давид заверил, что ей стало луч-

⁸ Армянская пасхальная выпечка.

ше и что она вскорости полностью поправится. От приглашения выпить чаю вежливо отказался и сразу же откланялся – у них с Геворгом были свои дела. София знала, что эти дела связаны с подпольным сообществом западников, которое они организовали вместе с другими выпускниками семинарии. Движение против самодержавия в просвещенном армянском обществе возникло еще со времен восстания декабристов, но если раньше оно было почти кулуарным, то после императорского указа о конфискации церковного имущества и закрытии армянских школ приобрело массовый характер. Поднятое католиком Мкртичем Хримяном восстание не стихало почти два года и в конце концов вынудило императора Николая Второго отменить свой указ. Однако победа не успокоила армян – недоверие к метрополии росло с каждым днем. Следствием этого недовольства и стало возникновение многочисленных тайных обществ, от крайне националистических до либерально-демократических, пытающихся сформулировать ту общественную и политическую повестку, вокруг которой можно было бы объединить народ. Идея о независимой республике и поиске союзников в Европе как единственной возможности сохранить себя со временем превратилась в самую востребованную. Поскольку за подобное вольнодумие можно было угодить в Сибирь, сведения о членах обществ тщательно оберегались. О существовании пары тайных кружков в родном городке Софии – Берде – свидетельствовали лишь стопки листовок с воззвания-

ми, которые иногда можно было обнаружить в людных местах – у церковной ограды, на постоялом дворе или же на мейдане, где располагался рынок. Если жандармам не удавалось перехватить эти листовки, они мгновенно расходились по городку. Бегло ознакомившись с содержанием, люди сразу же пускали их на растопку – хранение запрещенной литературы грозило арестом.

София ничего не знала о тайном обществе, в котором состояли Геворг с Давидом, но и с расспросами не лезла, потому что не сомневалась, что они ничего не расскажут. Особенно несговорчивым был брат: он вырос в сдержанного и хмурого молодого человека и в душу к себе никого не пускал. После смерти мамы он и вовсе ушел в себя, замкнувшись в угрюмом молчании. Изредка обсуждал с отцом политическую обстановку в стране и мире, но без бывшего задора, будто бы для проформы. Он был самым неприступным из детей Анастаса – даже ребенком редко плакал и совсем не жаловался, нянечка иногда шутила, что у него не обычное сердце, а высеченное из скалы. Ему это, кажется, льстило, по крайней мере, он не возражал – каменное так каменное, значит, пуля не возьмет.

Давид за две недели пасхальных каникул сильно изменился – коротко постригся, распрощавшись со своими длинными, ниспадавшими почти до плеч выющимися волосами, и отпустил бородку. Лицо его, красивое и открытое, приобрело незнакомые доселе резковатые черты. Взгляд, ранее

казавшийся чуть рассеянным, теперь смотрел прямо и сосредоточенно, линия скул заострилась и вкупе с высоченным лбом и широкими бровями прибавила его облику мужественности и внутренней силы. Выглядел он теперь совсем взрослым, и София поймала себя на том, что стесняется поднять на него глаза. Ее смущал его новый облик, он как будто подчеркивал ощутимую – в семь лет – разницу в возрасте и увеличивал дистанцию между ними. Но радость от того, что она наконец-то снова видит его, переборола смущение. И когда Давид предложил написать эссе на вольную тему, София, впервые выйдя за рамки установленных между ними трогательно-почтительных отношений, решила уточнить у него полушутя, насколько вольной или даже фривольной может быть выбранная тема.

– На ваше усмотрение, – бросил он, не отрываясь от книги, которую принес с собой и намеревался читать, пока она работает.

София сердито прикусила губу – в его голосе ей почудилось безразличие. Навесив на лицо каменное выражение, она макнула перо в чернила.

– Тогда я напишу о том, как это унижительно, когда тебя волокут по полу за косу, – выпалила она и неожиданно для себя расплакалась.

Он в мгновение ока оказался рядом. Налил воды – сделайте хотя бы пару глотков, ориорд София, уверяю, вам сразу станет легче. Я сейчас сбегая за помощью...

София схватила его за руку – не надо никого звать! Заклаясь и досадуя на себя за слабость, но не в силах остановиться, она принялась рассказывать сквозь льющиеся потоком слезы, как нагрубил тетушке, обозвав ее старой девой и, возможно, еще каргой, как упала – вы же знаете, Гуле натирает полы до зеркального блеска, невозможно не поскользнуться, – как тетушка пыталась помочь ей подняться, но она мало того что увернулась, так еще выкрикнула что-то гадкое, а потом еще и про Бога добавила, обозвав его бесчувственным чурбаном, и тогда лицо тетушки исказилось от злости, и она схватила ее за косу и поволокла в чулан.

– Я ведь не глупая, парон⁹ Давид, я понимаю, что тетушка не виновата в том, что мамы больше нет, никто не виноват... Каждый раз, когда я думаю об этом, в памяти всплывает тот несчастный извозчик, который привез к нам тетушку. До сих пор перед глазами чудовищный шрам, тянущийся через его голову... Будто хотели расколоть арбуз, но потом бросили... Не стали добивать, понимаете, не потому, что пожалели, а потому, что решили, что он и так умрет. Мертвый ведь никому ничего не сделает, он всем уже проиграл – таковы правила смерти. И мама тоже проиграла, хотя выглядела словно живая, и, если бы не струйка крови, вытекшая из уха, можно было бы подумать, что она спит. Но она умерла, и этого не исправить, этого уже никогда, никогда не изменить! Мама проиграла, и у меня такое ощущение, что вместе с ней

⁹ Господин.

проиграла и я...

Очнувшись, София поняла, что продолжает сжимать запястье Давида. Она виновато разжала пальцы – простите за фамильярность, я не хотела... Он бережно промокнул платком ей лицо, а потом наклонился и коснулся ее лба губами. И тогда она вскочила, обвила его шею руками и, зарывшись лицом в воротник его рубашки, выдохнула: «Я, кажется, люблю вас, парон Давид». И сквозь оглушительный стук собственного сердца слышала его охрипший от волнения голос: «И я вас люблю, ориорд София, больше всего на свете люблю».

* * *

В доме существовало негласное правило: никто в комнату Софии во время уроков не заглядывает, чтоб не отвлекать ее от занятий. Но тетушка, устанавливающая везде свои порядки, решила и здесь поступить по-своему. Зайдя без стука к племяннице и застав совершенно безобидную сцену – София с Давидом стояли у окна и, держась за руки, наблюдали грозу, – она ледяным голосом потребовала, чтобы Давид немедленно ушел. Попытки Софии защитить своего возлюбленного она проигнорировала – поговорим, когда останемся одни. Давид вынужден был, извинившись, откланяться. Дождавшись, когда он выйдет, тетушка подняла на Софию торжествующий взгляд и бросила с плохо скрываемым триумфом

фом: «А с тобой, пожалуй, будет разговаривать отец!» И вышла, плотно притворив за собой дверь. Софию обожгло ее презрительным тоном. Выскочив из комнаты, она крикнула в удаляющуюся спину тетушки, что не позволит обращаться с собой словно с преступницей, тем более что ничего плохого она не сделала.

– А вот вы, тетушка, поступили гадко! – задыхалась от чувства несправедливости и унижения она. – Вы не должны были входить в мою комнату без стука! Никто вам не давал права распоряжаться в доме, будто вы – единственная его хозяйка!

Азнив остановилась, но оборачиваться не стала и с подчеркнутым безразличием бросила через плечо:

– Ты ведь тоже не имела права без спросу заходить в мою комнату и тем более брать и прятать мои вещи!

– Но это было давно! Я обещала больше не поступать так и сдержала свое слово. А вы... А вы... Вы что, решили отомстить мне?

– Думай как хочешь. – И Азнив пошла дальше, держа на плоском животе сплетенные в замок костлявые пальцы. Она имела привычку сцеплять при ходьбе ладони и держать немного растопыренными локти, словно брезговала прикасаться ими к собственному телу. София представила ее вздернутые брови и сжатый в ниточку рот и затопала ногами – ненавижу, ненавижу!

Из-за угла высунулась испуганная Гуле, спросила одними

губами – что случилось? Но София махнула рукой – уходи, я не хочу никого видеть! Развернувшись на пятках, она влетела в комнату, кинулась с разбега на кровать и разрыдалась в голос. «Мама бы этого не допустила, мама бы этого не позволила», – приговаривала она, захлебываясь горячими слезами. Она не боялась разговора с отцом, потому что не сомневалась, что сумеет все ему объяснить, в конце концов, ничего предосудительного они с Давидом не сделали. Но при мысли, с какой бесцеремонностью с ними обошлись и как их унизили друг перед другом, ее окатывало ледяной волной стыда и ненависти. Этому нужно положить конец, с нее хватит, она не намерена более этого терпеть! Как только отец вернется с работы, она поговорит с ним и потребует, чтобы тетушка уехала. София уже достаточно взрослая, чтобы самой справляться с заботами по дому!

Азнув меж тем времени даром не теряла. Велев Гуле вызвать извозчика, она укатила на фабрику. Перебирала всю дорогу четки, не поднимая глаз даже тогда, когда кучер притормаживал, чтобы разогнать окриками стайку преградивших им путь бедно одетых заигравшихся детей. Игнорируя приветствия работников, она сразу же прошла в кабинет брата и, несказанно обрадовавшись, что застала там еще и Геворга, рассказала им о случившемся. По ее словам, она заглянула к Софии намеренно, потому что давно подозревала о романтических отношениях между молодыми людьми. «Нужно быть совсем слепым, чтобы не замечать влюбленных

взглядов, которые они бросают друг на друга!» – не преминула она упрекнуть Анастаса. Тот нахмурился, но ничего не ответил.

Подстегнутая его молчанием, Азнив продолжила:

– Войдя, каюсь, без стука – но поверьте, другой возможности застигнуть их врасплох у меня не было, – я обнаружила их в непозволительной, порочащей честь Софии позе... – Она умолкла с таким убитым видом, будто сообщила о тяжелой болезни близкого человека.

В кабинете повисла каменная тишина. Анастас сидел, уронив перед собой руки, и рассматривал их с таким пристрастием, будто намеревался обнаружить в них что-то новое. Геворг же, скрипнув челюстями, вперил в Азнив почерневший взгляд:

– Что порочащего было в... этой позе?

Азнив будто ждала этого вопроса. Она откинулась на спинку стула и сложила на груди руки.

– Я бы не хотела унижать нас подробностями. Достаточно сказать, что в некоторых странах за такое вызывают на дуэль!

Геворг выскочил из кабинета, оглушительно хлопнув дверью.

Если бы они с Давидом разминулись, судьба молодых людей сложилась бы иначе. В конце концов, Геворг не первый год знал своего друга и отлично понимал, что на предательство тот не способен. Как все взрывные люди, он легко воспламенялся, но следом быстро остывал и, тщательно все об-

думав, приходил к верному выводу. Однако в этот раз времени на размышления у него не было. Столкнувшись с Давидом на проходной – тот как раз спешил на фабрику, чтобы заверить Анастаса, что ничего предосудительного они с Софией себе не позволяли, – Геворг не дал ему даже рта раскрыть и, обозвав подлецом, ударил кулаком в лицо. Завязалась безобразная драка, которую никто не посмел разнять. Давид, будучи крупнее и физически сильнее своего друга, безуспешно пытался остановить его, но, получив чувствительный удар в челюсть, не сдержался и ответил, не рассчитав силы. Геворг упал, подвернув под себя руку, ударился плечом, чертыхнулся. Давид попытался его поднять, но тот оттолкнул его протянутую руку и отчетливо, по слогам, выплюнул ему в лицо: «Поди прочь, нищеврод».

Он отлично знал, как сильно его этим ранит. Давид, получивший образование благодаря каторжному труду матери, как-то признался, что цель его жизни – выбраться в люди и сделать так, чтобы она ни в чем больше не нуждалась.

– Другого способа отблагодарить ее я не знаю.

Тогда Геворг горячо поддержал своего друга, сейчас же, чтобы унижить, задел за самое больное.

* * *

К оправданиям Софии никто в тот вечер прислушиваться не стал, все были заняты ее старшим братом, для которого

падение обернулось вывихом. Вправленное и крепко перебинтованное плечо ныло и причиняло массу неудобств, первые несколько дней Геворгу даже приходилось спать сидя в кресле, обложившись мягкими подушками: при попытке лечь плечо пронизывала острая боль. Тетушка сновала вокруг, то поднося чашку с успокаивающим настоем, то выспрашивая, что велеть Гуле приготовить на обед. Несколько раз она пробовала заговорить с племянницей, но та ее упорно игнорировала. Анастас на все попытки дочери обсудить случившееся отвечал неизменным «пока не время». Из дома Софию не выпускали – на этом настоял Геворг, и никто, учитывая его состояние, перечить не посмел. София демонстративно заперлась у себя в комнате и отказывалась выходить даже к ужину. Гуле носила ей еду, а потом уносила ее почти нетронутой, причитая во всеуслышание, что, если так и дальше пойдет, девочка наложит на себя руки.

Через пару дней Анастас постучался в комнату дочери. София приоткрыла дверь и спросила охрипшим от плача голосом:

– Неужели я заслуживаю такого к себе отношения?

– Может,пустишь меня?

София посторонилась.

Анастас привлек ее к себе, бережно обнял, погладил по волосам.

– Конечно не заслуживаешь.

– Что тетушка вам сказала? – осмелев, спросила София.

– Это неважно, важно, что скажешь ты.

София обиженно шмыгнула носом.

– Мы с Давидом признались друг другу в любви, но разве это преступление – любить? Мы даже не прикасались друг к другу, один невинный поцелуй в лоб – это все, что было между нами. Ну и пару раз держались за руки, когда делали перерывы между занятиями. Неужели это такое большое преступление?

Анастас сел к письменному столу боком, отодвинул стопку исписанных тетрадей дочери, зачем-то откинул крышку чернильницы, нечаянно испачкал пальцы. София протянула ему платок, но он покачал головой – лучше полей мне. Она полила ему из кувшина, он сполоснул руки, снова сел, побарабанил пальцами по столешнице – напряженной, неровной дробью. Наконец заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.